

1967. – 434 p.

LaFeber W. America, Russia, and the Cold War 1945 - 1984. NY: Alfred A. Knopf, 1985. – 348 p.

Пресса: Аргументы и факты, Известия, Комсомольская правда, Литературная газета, Российская газета, Foreign Policy, New York Times, Time, USA Today, Washington Post.

Бизнес Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2005/11/08/business/>

Загадка Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2006/03/06/riddle/>

Самая удачная сделка Абрамовича <http://lenta.ru/articles/2005/09/28/kupil/>

National Center for Public Policy Research. <http://www.nationalcenter.org>

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Microsoft Encarta World English Dictionary 2001. Encarta® World English Dictionary © & (P) 1987 - 2000 Microsoft Corporation.

© Пшенкин А. А., 2006

Спиридовский О.В.

Воронеж, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА В США, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Abstract

The article is aimed at studying the phenomenon of intertextuality in the intercultural aspect.

The author deals with the presidential political discourse and considers intertextuality of different types to be an important part of political communication.

Теоретическая интерпретация понятия интертекстуальности. В основе понимания феномена интертекстуальности лежит концепция диалогизма М.М. Бахтина, а именно его идея несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь в трактовке М.М. Бахтина занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью. С одной стороны, она принадлежит автору, оформлена как косвенная речь, но в то же самое время содержит цитирование-вкрапление, явное или скрытое. В каком-то смысле каждый из нас действительно говорит словами из ранее созданных текстов (хотя далеко не всегда делает это намеренно), и поэтому процессы порождения и понимания дискурса невозможны без опоры на уже известные тексты и сопутствовавшие их возникновению дискурсивные ситуации. Это тем более верно в отношении межкультурного общения, когда самое точное знание языкового кода оказывается недостаточным для понимания тех высказываний, которые содержат ссылки на известные в определённой лингвокультуре тексты или феномены.

Исследования М.М. Бахтина способствовали активному изучению феномена интертекстуальности во второй половине XX века в работах французских семиологов Р. Барта и Ю. Кристевой. Ю. Кристева считается первым автором, употребившим термин «интертекстуальность»

(от лат. «intertexto» – «вплетать в ткань»). С его помощью она показала, что текст и, в частности, литературное произведение – это не результат творчества одного писателя, а трансформация, пусть и авторская, созданных ранее когда-то и кем-то текстов, которые могут служить явными или чаще скрытыми, завуалированными источниками [Kristeva 1980]. Такая позиция поставила под сомнение традиционные представления об авторстве и заставила задуматься над творческим началом в языке.

Р. Барт также осваивал направление интертекстуальности в лингвистике, провозгласив смерть автора в своей одноимённой работе, имея в виду то, что тексты и литературные произведения обязаны своим появлением не писателю, а феномену интертекстуальности. Р. Барт образно писал о том, что «каждый из нас отнюдь не первым и не последним пользуется словами, оборотами, синтаксическими конструкциями, даже целыми фразами, жанрами дискурса, хранящимися в «системе языка», которая напоминает не столько «сокровищницу», предназначенную для нашего индивидуального употребления, сколько «пункт проката»: задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество употреблений, через множество рук, оставивших на них те или иные неизгладимые следы» [Барт 1994: 14]. Именно эти «следы», образуемые, по М.М. Бахтину, в результате «трения слова о внесловесную среду», позволяют делать предположения не только об интертекстуальности, но и шире – об интердискурсивности [Кашкин 2004: 60].

Таким образом, согласно концепциям Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Бахтина, высказывание так или иначе связано с прошлым и будущим: оно вступает в определённые отношения с предшествующими текстами и открывает возможности для порождения последующих [Барт 1994; Бахтин 2000; Kristeva 1980].

Прецедентность как специфическая разновидность интертекстуальности. Необходимо заметить, что в каждой культуре существуют такие тексты, интертекстуальность которых подкрепляется известностью их автора и поддерживается многократным повторением. Для описания феномена этих текстов Ю.Н. Караулов ввёл понятие «прецедентный текст», представляющий частный, хотя и наиболее яркий, случай интертекстуальности. Ю.Н. Караулов наделяет это понятие тремя ключевыми признаками: 1) значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) сверхличностный характер, то есть известность этого текста окружению данной личности (как предшественникам, так и современникам); 3) неоднократное обращение к этому тексту в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2003: 216].

Исследователи прецедентных текстов едины в том, что это явле-

ние не есть нечто раз и навсегда застывшее. Многообразие возможностей их распространения свидетельствует об их жизнеспособности, многофункциональности [Гришаева 1998; Слышкин 1999]. Л.И. Гришаева, проведя анализ немецкой культуры сквозь призму немецких прецедентных текстов, приходит к заключению о том, что прецедентный текст в состоянии информировать адресата о таких аспектах, как система основополагающих ценностей, согласно которым каждый носитель языка и культуры оценивает своё место в социуме и то или иное событие, мотивы деятельности личности, её характерные свойства и типичные коммуникативные стратегии [Гришаева 1998: 21]. Г.Г. Слышкин в своём исследовании концептов прецедентных текстов выявляет 4 основные функции, характерные для них в процессе коммуникации, а именно – номинативную, персуазивную, юридическую / игровую и парольную [Слышкин 1999: 17].

Интересно также отметить, что фонд прецедентных текстов той или иной культуры содержит и те высказывания, авторство которых уже не может быть легко установлено (вспомним известное высказывание «Time is money», имеющее аналоги и в немецком, и в русском языках, авторство которого принадлежит, как следует из лингвострановедческой литературы, американскому политику Б.Франклину) [Токарева, Пеппард 1998; Lanier 1996]. Это так называемый паремнологический / афористический фонд языка и культуры в терминах признанных отечественных исследователей Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1976: 162-164].

Нам представляется, что апеллирование к концептам тех или иных прецедентных текстов (или прецедентных имён) в политическом и особенно президентском дискурсе – это весьма значимый риторический компонент, потому что любой глава государства призван следовать определённым общественным, историческим, морально-этическим традициям своей страны, формой приобщения к которым и является прецедентный текст.

Материалом данной статьи послужили 748 аутентичных текстов речей президентов США, Германии и Австрии за последние 20 лет из печатных и электронных СМИ, книг журналистов, политологов и политических обозревателей, а также видео- и аудиозаписи выступлений президентов. Для верификации выводов нами был также проведён письменный опрос респондентов, в котором приняли участие 50 американцев и 50 австрийцев.

В собранном нами корпусе примеров интертекстуализованных высказываний, принадлежащих президентам США, на лидирующих позициях по частотности оказались следующие: «*A house divided against itself can not stand*» («Дом, разделённый внутри себя, не может быть прочным», А.Линкольн, гражданская война в XIX веке); «*Ask not what your country can do for*

you, but what you can do for your country) («Не спрашивайте, что Ваша страна может сделать для Вас, а спрашивайте, что Вы можете сделать для своей страны», Дж. Кеннеди); «*Four score and seven years ago...*» (начало «*Gettysburg Address*» А. Линкольна). Эти высказывания президентов повторяются в неизменяемой форме в разное время разными главами государств США, что позволяет делать предположения об их прецедентности.

Результаты проведенного нами анкетирования американских респондентов также показывают, что существуют высказывания президентов, хорошо известные носителям данной культуры. Так, на вопрос о том, какие цитаты президентов Вам знакомы и часто воспроизводятся в различных ситуациях на современном этапе, 30% отвечавших назвали «*Ask not what your country can do for you, but what you can do for your country*» Дж.Кеннеди, по 13% указали на «*Read my lips: no new taxes*» («*Чумайте по моим губам: новых налогов не будет*») нынешнего президента США Дж.Буша (мл.) и «*I am not a crook*» («*Я не обманщик*») Р.Никсона.

В немецком президентском дискурсе, по данным нашего исследования, очень большим потенциалом прецедентности обладают высказывания «*Wir sind ein Volk*» («*Мы один народ*») и «*Nun wird zusammenwachsen, was zusammengehört*» («*То, что образует единое целое, обязательно срастётся*»). Оба высказывания приобрели широкую известность, став своего рода символами современной эпохи. Они тиражируются в политическом и медийном дискурсе, находят своё место в произведениях литературы, а первое – даже в анекдотах. Высказывание «*Wir sind ein Volk*» обязано своим появлением Конституции ГДР 1989 г., куда по инициативе Германа Аксена и Генерального секретаря Социалистической Единой Партии Германии Эриха Хонекера накануне его свержения была записана статья о «социалистической нации ГДР». После объединения Германии это высказывание приобрело совершенно другой смысл – единение восточных и западных немцев как одного народа. Именно такой смысл вкладывает президент Германии Х.Кёлер в следующую фразу: «*Wir sind jetzt als ein Volk gefordert*» («*Мы сейчас востребованы как один народ*») (1.07.04). Что касается второй крылатой фразы, то её авторство принадлежит бундесканцлеру Вилли Брандту, который в начале 1970-ых гг. таким образом указал на неизбежность общей судьбы восточных и западных немцев. В современном президентском дискурсе Германии нами были обнаружены многочисленные аллюзии на это высказывание, напр., «*das Zusammenwachsen*» («*соединение*», «*сращение*»); «*Wächst zusammen, was zusammengehört?*» (президент Германии И.Пау, 19.05.03) и т.д.

Нам представляется, что в австрийском президентском дискурсе предположения о прецедентном статусе являются оправданными в отношении исторически значимых слов бундесканцлера Австрии Леопольда Фигла: «*Österreich ist frei*» («*Австрия свободна*»). Эти слова знаме-

новали собою подписание договора о государственном суверенитете Австрии в 1955 г. В наших примерах есть ссылки на эти слова как с указанием на автора Л.Фигла, так и с его отсутствием, напр., «*ein Jahr vor meiner Matura habe ich Leopold Figl mit seiner typischen heiseren Stimme vom Balkon des Belvedere rufen gehört: „Österreich ist frei“*» («За год до окончания школы я услышал, как **Леопольд Фигл** с балкона Бельведера своим характерным хриплым голосом прокричал: **«Австрия свободна»**) (президент Австрии Х.Фишер, 8.07.04) или «*Jeder hatte die Begeisterung die Wörter „Österreich ist frei“ zu hören, denn sie die historische Wirkung für unser Land hatten*» («Все испытывали восхищение от слов **«Австрия свободна»**, поскольку они имели историческое значение для нашей страны») (президент Австрии Т.Клестиль, 10.04.03).

Авторитетность и авторство президентского дискурса в свете теории интертекстуальности. Коммуникационный процесс устроен таким образом, что каждый последующий дискурсивный шаг опирается на предыдущий. Базовой интенцией президентского дискурса как разновидности политического общения является достижение власти, её сохранение или распределение [Баранов 1997; Водак 1997; Шейгал 2000], а поскольку в политике языковая коммуникация играет ключевую роль, то вопрос об укреплении авторитетности именно с помощью дискурсивных средств приобретает принципиальное значение. Интересно проследить, какой тип авторства является наиболее востребованным в этом виде дискурса, на кого ссылаются в своей риторике президенты США, Германии и Австрии.

В американском президентском дискурсе следует отметить их предшественников – президентов в прошлом, ссылки на которых количественно доминируют в собранном нами корпусе примеров интертекстуальности. Самым ярким примером, который свидетельствует об этом, служит президентская клятва – предельно жёстко фиксированное риторическое произведение, повторяемое президентами со времён Дж. Вашингтона. Тем самым она способствует естественному, демократическому и легитимному переходу власти от одного главы государства к другому. Так, в 1989 г., в год 200-летия американской государственности президент Дж. Буш (мл.) говорит следующее: «*I have just repeated word for word the oath taken by George Washington 200 years ago, and the Bible on which I placed my hand is the Bible on which he placed his. It is right that the memory of Washington be with us today*» («Я только что слово в слово повторил клятву, произнесённую Джорджем Вашингтоном 200 лет тому назад. Библия, на которой я держал свою руку, – это та же самая Библия, на которой держал свою руку и он. Правильно, что память о Вашингтоне сегодня с нами») (20.01.89).

Б. Клинтон в своём первом инаугурационном обращении апеллирует к эпохе Т. Джефферсона, третьего президента США, активного

составителя Конституции страны для того, чтобы провести параллель между началом XIX века и современностью: «*Thomas Jefferson would say to his nation that to preserve the very foundations of our nation, we would need dramatic change from time to time*» («Томас Джефферсон говорил своему народу, что ему потребуются серьёзные перемены в целях сохранения самих устоев американской нации») (20.01.93). Б.Клинтон также в ходе своего государственного визита в Германию заявил: «*In 1945, at the dawn of the Cold War, President Truman came here to Berlin. He stated then his hope that one day Berlin would be part of what he called a better world, a peaceful world, a world in which all the people will have an opportunity to enjoy the good things in life*» («В 1945 году, в самом начале Холодной войны президент Труман прибыл в Берлин. Он выразил надежду на то, что однажды Берлин станет частью того, что он назвал лучшим миром, спокойным миром, миром, где все люди будут наслаждаться хорошей жизнью») (12.07.94).

В целом можно сказать о том, что ссылки на других президентов составляют 82% от общего числа примеров интертекстуальности в американском президентском дискурсе. Очевидно, что данный приём помогает президентам повысить авторитетность своего слова, а также обеспечить некую преемственность передачи власти в стране, поскольку такая внутрипрезидентская интертекстуальность, становясь доступной гражданам с помощью СМИ, создаёт общее дискурсивное пространство, которое разделяют президенты США, а вместе с ними и американский народ.

Существенное место в американском президентском дискурсе занимают также ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов. Прецедентным именем для данного дискурса является имя Мартина Лютера Кинга, а прецедентным текстом – его речь, построенная на анафоре “I have a dream”. Нами было обнаружено 8 примеров упоминания фрагментов этой речи в президентском дискурсе США.

Анализ немецкой президентской риторики однозначно указывает на то, что интертекстуальность свойственна президентскому дискурсу в данной лингвокультуре. На кого же в первую очередь ссылаются президенты Германии? Ссылки на других немецких президентов-предшественников в сравнении с американским президентским дискурсом занимают относительно небольшую долю от общего числа случаев интертекстуальности – 24%. Напр., ныне действующий президент Германии Х. Кёлер говорит следующее: «*Ich muss klar aussprechen vor der Öffentlichkeit, was andere nicht sagen können, und das tue ich bei jeder Gelegenheit*» («Я обязан ясно высказывать своё мнение перед общественностью по тем вопросам, по которым другие не могут себе этого позволить, что я и делаю при каждой возможности») (25.01.05). В действительности мысль о том, что президенту приходится открыто говорить о том, о чём другие не решаются, принадлежит Генриху Любке, который был избран на пост

главы государства в 1959 г. и с которым Х. Кёлера объединяет желание вести политику активного участия в решении всех общественных вопросов. Данный пример интертекстуальности обсуждался в немецкой прессе, в результате чего журналисты сошлись во мнении, что параллели между Г. Любке и Х. Кёлером существуют не только в плане проводимой политики, но и в плане используемого ими дискурса [Fietz; Prantl 2005: www]. Особого интереса заслуживает также судьба высказывания немецкого президента Р. Херцога *«Durch Deutschland muss ein Ruck gehen»* (*«Германия должна сделать рывок»*) (26.04.97). Эти слова, ссылаясь на их автора, цитирует в своей инаугурационной речи президент Х. Кёлер, в современном политическом дискурсе Германии они становятся воплощённым представлением о развитии немецкого общества, их интерпретируют различные журналисты и политики: *«Bundespräsident Roman Herzog hat schon 1997 gesagt: „Durch Deutschland muss ein Ruck gehen“. Er hatte Recht. Aber was braucht man heute für einen Ruck?»* (*«Президент Германии Роман Херцог в 1997 г. сказал: «Германия должна сделать рывок». Он был прав. Но что нужно сегодня для рывка?»*) (Х.Кёлер, 1.07.04).

Любопытно, что президенты Германии ссылаются не только на слова президентов своей страны, но также и на слова президентов США, напр., Дж.Кеннеди и Б.Клинтона. Р.Херцог в своей речи «Прорыв в XXI век» вспоминает слова президента США Дж. Кеннеди: *«John F. Kennedy hat einmal gesagt: „Unsere Probleme sind von Menschen gemacht, darum können sie auch von Menschen gelöst werden“* (*«Джон Ф. Кеннеди однажды сказал: «Наши проблемы созданы людьми, поэтому они могут быть решены также людьми»*) (26.04.97). В речи Х. Кёлера в Берлине на форуме «Экономика и общество» также содержится упоминание эпизода из биографии Дж. Кеннеди в юмористическом контексте. Посещая мыс Канаверал, президент США спросил рабочего, который подметал пол в зале: *«Was ist Ihr Job?»* (*«В чём заключается Ваша работа?»*), на что рабочий ответил: *«Einen Menschen auf den Mond zu bringen, Mr. President»* (*«Доставлять человека на Луну, господин президент»*, 15.03.05). Этот пример, по мнению Х. Кёлера, показывает, каким должно быть единство самых разных, но работающих на одну цель, людей в одном государстве.

32% случаев интертекстуализации высказываний в немецком президентском дискурсе приходится на политических деятелей различных уровней, которые не являются президентами. Напр., И. Пау в «Berliner Rede-2003» ссылается на слова немецкого министра иностранных дел Карла-Фридриха фон Вайцзекера: *«Außenpolitik wird immer mehr zur Weltpolitik, wie das Carl-Friedrich von Weizsäcker schon vor mehr als zwanzig Jahren gesagt hat»* (*«Как сказал уже более 20 лет назад Карл-Фридрих фон Вайцзекер, внешняя политика всё больше становится всемирной внутренней политикой»*) (19.05.03).

Наконец, 44% случаев интертекстуализации составляют ссылки на

выдающихся общественных деятелей, философов, учёных, писателей. В частности, И. Рау цитирует девиз немецкого философа Эрнста Блоха: «*Denken heißt überschreiten – das war das Motto von Ernst Bloch, dem großen deutschen Philosophen der Hoffnung*» («Мыслить – значит перешагивать границы. Таким был девиз Эрнста Блоха, великого немецкого философа надежды»). Далее президент развивает данную идею о силе человеческого разума следующим образом: «*Ja: denken – forschen, wissen, entdecken – das heisst überschreiten*» («Да: мыслить – это значит исследовать, познавать, делать открытия – вот что значит перешагивать границы») (18.05.01). Давая оценку процессам глобализации, И. Рау ссылается также на слова учёного Амартиа Сены: «*Der Nobelpreisträger für Wirtschaftswissenschaften des Jahres 1998, Amartya Sen, hat gesagt: „Obwohl ich für die Globalisierung bin, danke ich Gott für die Antiglobalisierungsbewegung“. Er hat recht*» («Лауреат Нобелевской премии в области экономики 1998 г. Амартиа Сен сказал: «Хотя я сторонник глобализации, я благодарю Бога за то, что есть движение против глобализации». Он прав») (13.05.02). Президент Х. Кёлер, размышляя о последствиях научно-технического прогресса, вспоминает произведение Софокла «Антигона», в котором почти 2500 лет назад удивление по поводу достижений и изобретений человека было сформулировано следующим образом: «*In seinem Schauspiel „Antigone“ hat Sophokles festgestellt: „Ungeheuer ist viel, nichts aber ist ungeheurer als der Mensch“*» («Есть много ужасного, но нет ничего чудовищнее человека») (15.07.05). С помощью данного приёма интертекстуальности (ссылки на произведение литературы) Х. Кёлер иллюстрирует мысль о том, что некоторые достижения человека и сегодня заставляют нас содрогаться так, как когда-то Софокла.

Президентскому дискурсу Австрии также свойственна интертекстуальность. Как нам представляется, в нём возможно провести типологию интертекстуализованных высказываний по принципу авторства исходного / цитируемого текста. Согласно указанному принципу нами были проанализированы случаи интертекстуальности в австрийском президентском дискурсе, что позволило сделать следующие выводы: 8% примеров интертекстуальности составляют реминисценции на сюжеты из Библии, 15% – на других президентов, 35% – на политиков, не являющихся президентами, 42% – на деятелей науки, литературы и искусства.

Как известно, Библия представляет собою богатый источник мудрых мыслей, изречений и поучительных историй, поэтому интертекстуальный потенциал текстов Библии весьма высок. Напр., президент Австрии Х. Фишер указывает на то, что научное объяснение способно снять иррациональные страхи и апокалиптические представления: «*Wir brauchen Aufklärung im besten Sinn des Wortes. Aufklärung richtet sich gegen irrationale Ängste und **apokalyptische Vorstellungen***» (14.01.05). Президент Т. Кле-

стиль, говоря о судьбе народа Израиля, обращается к образам Давида и Голиафа. С их помощью он высказывает надежду на то, что Давид как можно быстрее вновь возьмётся за арфу, то есть вернётся к мирной жизни: «*Wir beten darum, dass David möglichst rasch die Schleuder aus der Hand legen und wieder zur Harfe greifen kann*» (27.08.94).

Современные президенты Австрии не забывают о своих предшественниках, в том числе о тех президентах, благодаря которым институт президентства доказал свою жизнеспособность. Об этом говорят регулярно проводимые мероприятия, которые посвящаются памяти президентов, напр., премия имени президента Австрии Теодора Кёрнера. Кроме этого, Х.Фишер начинает своё первое новогоднее обращение в качестве президента страны с тёплых слов в адрес Т. Клестила, который скоропостижно скончался незадолго до окончания срока своих полномочий: «*Ich möchte auch nicht in das Neue Jahr gehen, ohne an dieser Stelle meines verstorbenen Amtsvorgängers Dr. Thomas Klestil dankbar zu gedenken, der zwei Tage vor der Amtsübergabe so plötzlich und unerwartet verstorben ist*» (1.01.05).

Наиболее значительную часть нашего корпуса примеров явления интертекстуальности в австрийском президентском дискурсе образуют ссылки на деятели науки, литературы и искусства. Так, президент Х. Фишер в своей речи в Линце цитирует слова известного философа Карла Поппера: «*Der große Karl Popper hat gemeint, der Pessimismus sei eine größere Gefahr für die Menschheit, als die Atombombe*» («*Великий Карл Поппер считал, что пессимизм представляет более серьёзную угрозу для человечества, чем атомная бомба*») (12.09.04). Кроме этого, Х. Фишер повторяет слова философа Сенеки: «*Es gibt einen sehr erhellenden Satz von Seneca, der lautet: «Dic aliquid contra, ut duo simus! / Widersprich, damit wir zwei sind!» («Есть мудрое высказывание Сенеки, которое звучит так: «Возражай, чтобы нас было двое»*) (9.05.05). По мнению президента, эти слова можно рассматривать в качестве основы идеологии открытого общества.

Таким образом, типология авторства в президентском дискурсе США, Германии и Австрии обнаруживает много общих характеристик. В частности, ссылки на президентов-предшественников, других политических деятелей, людей науки, искусства, литературы присутствуют во всех исследованных лингвокультурах. В то же время национально-культурная специфика американского президентского дискурса заключается в преобладании ссылок на президентов-предшественников, что объясняется более длительной историей института президентства в США и более устойчивыми традициями, связанными с его функционированием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. №6.
Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1976.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Пер. с англ. и нем. – Волгоград, 1997.

Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие (немецкий язык через призму немецких прецедентных текстов): учеб. пособие. – Воронеж: Издательский Дом Русская Слоvesность, 1998.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2003.

Кашкин В.Б. Дискурс: учеб. пособие. – Воронеж, 2004.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.

Токарева Н.Д., Пеппард Б. Америка. Какая она?: учеб. пособие. – М., 1998.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.

Kristeva, J. Desire in language: A semiotic approach to literature and art. – Ed. Leon Roundier. – New York: Columbia UP, 1980.

Lanier, A.R. Living in the U.S.A. – Intercultural Press, 1996.

© Спиридовский О.В., 2006

Ширманов И.А.

Саратов, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ в США (2004 г.)

Abstract

This article touches upon one of the most interesting and exciting part of political discourse study-election campaign; to be more precise- 2004 presidential election campaign in the US is in the focus of this research. Speeches of two candidates are analyzed with the help of Turner and Fauconnier's blend pattern, to single out the most common source-spheres for each candidate and at the same time to show the very difference (in sense of cognitive linguistics) of political agenda of the two candidates.

Проблема исследования концептуальной метафоры политического дискурса не раз привлекала внимание современных отечественных и зарубежных лингвистов [см.: Будаев, Чудинов 2006]. В частности, А.П. Чудинов в своей книге «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [2006] выделяет три взаимодействующих «зеркала» современной российской концептуальной политической метафоры: (1) данные метафоры отражают когнитивные «механизмы» человека (изучая метафору, мы изучаем человеческое мышление), (2) мы видим в метафорическом зеркале отражение обычных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии (в данном случае для нас важно не то, как человек мыслит, а то, как он концептуализирует эту сферу), (3) мы видим отражение «наивных» человеческих представлений о понятийной сфере-мишени метафорической экспансии: человек метафорически кон-